

Ф. К. Броннеръ родился 23-го декабря 1758 года въ небольшомъ придунайскомъ городкѣ Гэхштедтѣ, въ провинціи Швабіи, близъ г. Аугсбурга, въ семьѣ бѣдняка, промышлявшаго различнаго рода ручнымъ трудомъ и, главнымъ образомъ, работою на кирпичныхъ заводахъ. Получивъ начальное образованіе въ школѣ мѣстнаго женскаго монастыря, а затѣмъ у какого то кантора, мальчикъ въ 1769 году былъ принятъ въ іезуитскую семинарію сосѣдняго города Диллингена, а въ 1773 году, когда семинарія эта была закрыта вслѣдствіе папской буллы объ упраздненіи ордена іезуитовъ, онъ поступилъ въ духовный лицей г. Нейбурга, руководителями котораго были также эксъ-іезуиты. Здѣсь въ юношѣ начала развиваться, не безъ вліянія въ этомъ дѣлѣ матери, мечтавшей о духовной карьерѣ сына, склонность къ монашеской жизни и въ 1776 году восемнадцатилѣтній Броннеръ принялъ новиціатъ (послушество) въ бенедиктинскомъ монастырѣ города Донауверта, въ которомъ годъ спустя и постригся съ именемъ Бонифація. Принявъ постриженіе, молодой монахъ сталъ дѣятельно заниматься, подъ руководствомъ учителей-монаховъ, науками, изучая математику, механику, физику и богословіе; рядомъ съ науками шли упражненія въ музыкѣ (игрѣ на скрипкѣ), а въ часы досуга юный подвижникъ усердно предавался свѣтскому чтенію, не выключая и запретныхъ твореній Руссо и Вольтера. Изъ своихъ монастырскихъ преподавателей Броннеръ съ особенною признательностью вспоминаетъ имя бывшаго іезуитскаго пріора отца Беда, которому онъ приписываетъ свои первые успѣхи въ математикѣ. Научныя занятія молодого бенедиктинца оказались настолько успѣшными, что духовное начальство въ 1782 году отправило его для завершенія образованія, на счетъ ордена, въ католическій университетъ города Эйхштедта, въ которомъ онъ продолжалъ изученіе математики у профессора-іезуита Пикеля.

Провожая своего ученика въ Эйхштедтъ, отецъ Беда предупреждалъ его на счетъ ожидающихъ его въ этомъ, сравнительно крупномъ, городскомъ центрѣ соблазновъ, указывая на существующія тамъ тайныя религіозныя, въ частности же масонскія, общества, явившіяся отраженіемъ духовнаго движенія, охватившаго въ ту пору германскую мысль. Предупрежденія наставника оказались тщетными: въ Эйхштедтѣ увлекающійся духовный студентъ не замедлилъ войти въ общеніе съ тайными кружками. Сначала дѣлается онъ массономъ, получивъ при этомъ условное имя Аристотеля, но скоро отсталъ отъ массоновъ и примкнулъ къ иллюминатамъ, ученіе которыхъ впервые подняло въ умѣ Броннера массу религіозныхъ сомнѣній, мучившихъ его въ послѣдующую переходную эпоху его жизни;

молодой монахъ сдѣлался яримъ поборникомъ иллюминатства и подѣ влияніемъ педагогическаго такта, которымъ, по словамъ Броннера, отличались иллюминаты въ дѣлѣ вопросовъ воспитанія и исправленія юношества, онъ усвоилъ себѣ тѣ педагогическіе приемы и воззрѣнія, попытки примѣненія которыхъ къ практикѣ дѣлались имъ много позже, цѣлую почти треть вѣка спустя, въ бытность профессоромъ далекаго казанскаго университета.

Въ 1783 году Броннеръ окончилъ свое ученіе въ Эйхштедтѣ и осенью того же года, посвященный передъ тѣмъ въ священническій санъ, возвратился въ свой донаувертскій монастырь. Но теперь монашеская келья и режимъ монастырской жизни уже не въ состояніи были удовлетворять молодаго монаха, искусившагося въ свободѣ жизни и мысли. Ни чтеніе богословскихъ сочиненій, ни самоуглубленіе въ философскія построенія Лафатера, Гердера и Канта, ни увлеченіе поэзією (онъ пишетъ идилліи, навѣяныя поэтическими произведеніями Геснера), не въ состояніи были заглушить голоса сомнѣній и примирить внутренняго разлада, охватившаго собою умъ и чувства молодаго священника. Въ мысляхъ Броннера созрѣваетъ планъ бѣгства изъ монастыря, который и приводится имъ, въ концѣ концовъ, въ исполненіе: 29-го августа 1785 года, рано утромъ, онъ бѣжалъ изъ своей обители, направившись въ свободную Швейцарію, которой впоследствии и было суждено сдѣлаться его новою родиною. Послѣ неудавшейся попытки обосноваться въ Базелѣ, Броннеръ поселился въ Цюрихѣ, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны семьи своего излюбленнаго поэта Геснера и мѣстнаго ратсгерра Фюссли, досталъ мѣсто наборщика въ нотной типографіи и устроилъ себѣ заработокъ въ цюрихской газетѣ. Здѣсь Броннеръ снова сталъ заниматься поэзією, подготовивъ изданіе (вышло въ свѣтъ въ 1786 г.) перваго сборника своихъ „Идиллій“.

Желая во что бы то ни стало избавиться отъ тяготѣвшаго надъ нимъ монашескаго обѣта, Броннеръ выхлопоталъ себѣ папское разрѣшеніе отъ монашества (*dispensio*), подѣ условіемъ священнической службы на родинѣ, и 14-го іюля 1786 года выѣхалъ изъ Цюриха въ Аугсбургъ. Но на родинѣ снова ожидало его разочарованіе: взаимнъ священническаго сана, мстительное духовенство возлагало на него второстепенныя церковныя и канцелярскія обязанности, тяготившія жаждавшую живой дѣятельности душу Броннера. Такъ протекли шесть лѣтъ жизни Броннера на родинѣ. Эта жизнь удовлетворять его не могла; не находилъ онъ себѣ отъ нея отрады и въ столь любимой имъ поэзіи. Броннеръ начинаетъ вторично помышлять о жизни подѣ другимъ небомъ—„гдѣ меньше духовнаго гнета, гдѣ больше

простора человеческой мысли, где легче удовлетворяется и страсть к наукам". Снова созрывает в уме его мысль о бегстве. 1793 год принес с собою событие, ускорившее решение Броннера. Толки, возбужденные французскою революцією, достигли и мирнаго Аугсбурга. Неосторожное слово, публично выраженное Броннером в какой то кофейне по поводу парижских событий—возбудило подозрительность властей и обвинение неосмотрительнаго священника в политической неблагонадежности. Давно назревавший вопрос о бегстве становился сам собою на почву фактическаго осуществленія: 14-го іюля 1793 года Броннеръ приводит свой планъ въ исполненіе, отправившись сначала въ Цюрихъ, где прожилъ до конца года, а затѣмъ направивъ свои стопы во Францію. Во Франціи Броннеру не повезло: едва не сложивъ здѣсь головы на гильотинѣ, онъ въ началѣ 1795 года снова возвратился въ Цюрихъ, где и прожилъ до начала XIX столѣтія, занимаясь публицистическимъ (редактировалъ цюрихскую газету) и литературнымъ трудомъ; здѣсь же закончилъ онъ печатаніе своей автобіографіи.

На возвращеніи Броннера въ Цюрихъ оканчивается автобіографія его, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и перефразъ ея покойнымъ Буличемъ. Далѣе слѣдуютъ уже данныя, собранныя проф. Д. И. Нагуевскимъ.

Послѣ основанія швейцарской республики, Броннеръ былъ (1799 г.) правителемъ канцеляріи швейцарскаго министра наукъ и искусствъ, затѣмъ министра юстиціи, а въ 1804 году получаетъ должность преподавателя въ кантональной школѣ города Аарау. Здѣсь завязались его сношенія съ будущимъ профессоромъ казанскаго университета Бартельсомъ, который еще лѣтомъ 1806 года рекомендовалъ его Румовскому для занятія въ Казани кафедры физики; Броннеръ въ то время отказался отъ этой чести, сославшись на то, что онъ сознаетъ себя въ математикѣ—существомъ безъ имени („ein namenloses Wesen“) и что не закончилъ еще нѣкоторыхъ начатыхъ работъ. „Неужели они рѣшатся пригласить меня, не имѣя обо мнѣ никакого понятія?“ — писалъ онъ даже по этому поводу Бартельсу.

Между тѣмъ положеніе Броннера въ аарауской школѣ—было не изъ завидныхъ: онъ самъ называлъ себя здѣсь „школьнымъ рабомъ“ („Schul-knecht“). И вотъ 10-го сентября 1809 года (по нов. стилю) Броннеръ уже самъ обращается къ Румовскому съ письмомъ, въ которомъ проситъ его о кафедрѣ въ казанскомъ университетѣ, ссылаясь на успѣхи своихъ учениковъ по школѣ города Аарау и приложивъ къ письму списокъ своихъ трудовъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ. Румовскій, уже знавшій

Броннера по рекомендаціи Бартельса, не замедлилъ выхлопотать разрѣшеніе министра на „пріобрѣтеніе столь достойнаго и опытнаго профессора“ и 1-го сентября 1810 года состоялось назначеніе Броннера въ казанскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ теоретической и опытной физики, хотя самый вопросъ объ этомъ назначеніи былъ предрѣшенъ въ концѣ 1809 года; Броннеръ былъ своевременно объ этомъ извѣщенъ и еще въ началѣ февраля 1810 года прислалъ попечителю благодарственное письмо, съ изъявленіемъ въ немъ намѣренія „остаться въ Казани навсегда“.

Выѣхавъ изъ Аарау въ половинѣ іюля 1810 года (еще до официального своего назначенія), Броннеръ 1-го сентября былъ въ Петербургѣ, дальнѣйшій же свой путь совершилъ водою, по тихвинской системѣ и р. Волгѣ, въ сопутствіи казанскаго купца, швейцарца Дженни (Jenni), въ домѣ котораго первоначально, по прибытіи въ Казань, и остановился.

Въ Казань Броннеръ прибылъ 12-го октября, но только въ мартѣ слѣдующаго года прибылъ сюда же транспортъ съ его вещами, по поводу задержки въ полученіи которыхъ онъ завелъ цѣлую переписку съ попечителемъ и даже министромъ. Чтеніе своихъ лекцій онъ началъ аудиторіи изъ восьми слушателей, которымъ и преподавалъ, на латинскомъ и на французскомъ языкахъ, физику какъ „по собственнымъ тетрадямъ“, такъ и по руководству Грена и Фишера. Въ 1812—1817 годахъ Броннеру поручалось также чтеніе минералогіи, что на первые два года было поставлено, по его же собственному предложенію, условіемъ всемилостивѣйше пожалованнаго ему въ 1811 году пособія въ 2927 рублей въ пополненіе издержекъ, понесенныхъ имъ по переѣзду въ Россію; съ 1815 года онъ получалъ уже за это чтеніе дополнительное вознагражденіе въ размѣрѣ 800 рублей въ годъ.

Съ самаго пріѣзда своего въ Казань Броннеръ былъ поставленъ въ совершенно исключительныя условія съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ попечительской власти. Еще отпуская Броннера въ Казань, попечитель Румовскій поручилъ ему подробно писать ему о казанскомъ университетѣ, сообщая свои наблюденія объ университетскихъ дѣятеляхъ, дѣлахъ и отношеніяхъ. Броннеръ широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ, которое счумѣлъ удержать за собою и при преемникѣ Румовскаго, попечителѣ М. А. Салтыковѣ, и 58 писемъ его къ попечителямъ казанскаго учебнаго округа (29 писемъ къ Румовскому и столько же писемъ къ Салтыкову), обнимающія собою промежутокъ времени въ шесть слишкомъ лѣтъ (октябрь 1810—январь 1817 года) представляютъ собою богатый ма-

теріалъ какъ для начальной исторіи казанскаго университета, вообще, такъ и для характеристики его дѣятелей, въ частности. Подлинники этихъ писемъ, хранящіеся въ кантональной бібліотекѣ города Аарау и на существованіе которыхъ указалъ въ 1899 году профессоръ казанскаго университета А. В. Васильевъ, были любезно доставлены на время изъ Аарау въ Казань и ихъ разборка и изданіе совѣтомъ университета поручены профессору Д. И. Нагуевскому, блестящимъ образомъ справившемуся съ этою нелегкою, по состоянію оригиналовъ (большею частью черновиковъ), задачею *. Письма Броннера будутъ не разъ служить намъ подспорьемъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи, пока же замѣтимъ, что эта конфиденціальная переписка его съ попечителями, весьма смѣлая по своему содержанию, откровенности и прямоотъ высказываемыхъ въ ней мыслей, нерѣдко даже проникнутая обличительнымъ (въ особенности по отношенію къ Яковкину и его партіи) оттѣнкомъ, съ другой же стороны—дышущая приверженностью къ идеѣ самостоятельнаго положенія университета и къ его автономіи, не нравилась многимъ сослуживцамъ Броннера, возбуждая въ нихъ, до извѣстной степени и понятныя, конечно, опасенія: „La haine me persécute,—пишетъ Броннеръ попечителю Салтыкову въ письмѣ отъ 24-го декабря 1816 года,—parceque je suis en correspondance avec vous, sans communiquer quelques choses à ces messieurs, qui ont peur de l'ombre: ils me croient leur antagoniste“.

Только эта возможность интимныхъ и непосредственныхъ сношеній съ попечителями и открывала путь нѣкоторымъ начинаніямъ Броннера, выходившимъ за предѣлы его нормальной профессорской компетенціи. Таковъ составленный имъ лѣтомъ 1812 года, по порученію Румовскаго, „Планъ преподаванія наукъ въ казанскомъ университетѣ“, вмѣстѣ съ „распредѣленіемъ чтеній“ въ немъ, который и вошелъ съ 1812—1813 учебного года въ основу новаго распредѣленія преподаваній; такова и его ожесточенная борьба съ Яковкинымъ, воздвигнутая имъ съ 1811 года на почвѣ обличенія недостатковъ постановки учебнаго дѣла въ казанской гимназіи, которая не мало посодѣйствовала, по крайней мѣрѣ въ попечительство Салтыкова, паденію прежняго авторитета и престижа полновластнаго директора-временщика.

* Проф. Д. И. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка» (Каз. 1902). Кромѣ писемъ Броннера къ попечителямъ Румовскому и Салтыкову, въ книгѣ этой изданы письма его къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, а также и другіе матеріалы, касающіеся Броннера.